

Vasiljev, Nikolaj L.

Роль этнических факторов и "административных ресурсов" в истории советского языкознания первой половины XX века

Новая русистика. 2008, vol. 1, iss. 1, pp. [51]-72

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116248>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Николай Л. ВАСИЛЬЕВ
(Саранск)

Роль этнических факторов и «административных ресурсов» в истории советского языкознания первой половины XX века¹

**The Role of Ethnic Factors and „Administrative Resources“
in the History of Soviet Linguistics of the First Half of the 20th century**

The author of the present study deals with the ethnic factors in the development of Soviet humanities, especially in the field of linguistics connected with Marr's linguistic doctrine. The study is based on several relatively new treatises on the problems linked to the relation of early Soviet régime towards the weakening of the Russian national element in official Soviet administrative bodies and the strengthening of everything non-Russian, e. g. Latvians, Jews etc. The case of Marr and marrism is closely connected with the Caucasian ethnic impact (famous and fatal triangle Marr – Stalin – Chikobava). The two stages in the development of the official Soviet attitude to national and ethnic problems in the sphere of humanities

¹ Статья написана на основе докладов автора, сделанных на двух международных конференциях: «Sociological Theories of Language in the USSR, 1917–1938 / Социологическое направление в советском языкознании, 1917–1938 гг.» (Великобритания, г. Шеффилд, 9 – 11 сент. 2006 г.); VII Конгресс этнографов и антропологов России (Россия, г. Саранск, 9 – 14 июля 2007 г.). Выражаю благодарность моим коллегам, принимавшим участие в обсуждении докладов и данной статьи, в особенности – авторитетному специалисту в области истории советского языкознания В. М. Алпатову.

manifest the manifold and ambiguous importance of Marr's theories as well as the complicated strategical steps of former Soviet power.

Развитие и спецификация молодого советского языкознания были обусловлены не только собственно научными обстоятельствами, но и экстралингвистическими – идеологическими, политическими, социальными и др. Среди последних наименее изученными являются два фактора, оказавшие значительное воздействие на формирование теоретического и прикладного языкознания в СССР.

Первый из них – полиэтнизм нового типа, складывавшийся в управленческих и научных структурах преобразованной страны. До Октябрьской революции Россия была страной, в культуре и этнической палитре которой традиционно доминировали народы европейского ареала. Это отражалось, в частности, в ментальной ориентации на западные ценности при сохранении, естественно, национальной самобытности и отчасти даже «евразийской» специфики. В разные периоды русской истории существовала мода на польский этикет, немецкие образцы придворной жизни и военной иерархии, голландскую технологию, итальянское искусство, французский салон, английский дендизм и т. д. Соответственно латинский, французский, немецкий языки являлись в России для многих ее подданных едва ли не родными, выполняли наряду с русским литературные функции, дополняя его возможности в том или ином отношении в разных сферах общения [см., например: Воробьев 1999; Воробьев, Седина 2007; Васильев 2007]. С Петровской эпохи Россия была открыта для Запада, а он, в свою очередь, был наполнен русскими колонистами, путешественниками, предпринимателями. Этому процессу взаимопроникновения культур способствовали и тесные династические связи между правителями России и Западной Европы, частые переделы границ, в результате чего, например, Польша и Финляндия входили в XIX столетии в состав Российской империи, что *сближало* ее с остальной Европой еще и в буквальном смысле слова.

После революции сложившееся в административных и правоохранительных органах, отчасти в учреждениях культуры, образования и науки прежнее соотношение российских субэтносов было изменено в пользу народов, ранее рассматривавшихся официальными инстанциями в качестве «инородцев»². Опорой большевизма являлись, в частности, революционно

² О юридическом существе этого термина смотри, например: [Брокгауз, Ефрон 1894]. Менее строгое употребление данного понятия предполагало, что «...название это в обширном смысле слова дается всем русским подданным не-славянского племени» [Там же]. Ср. толкование слова *инородец* в первые годы советской власти: «(офиц. дореволюц.). *Первонач.* человек иной народности; впоследствии, как выражение великодержавной идеологии, – человек, принадлежащий к одной

Роль этнических факторов

настроенная часть еврейства, «латышские стрелки», выходцы с Кавказа. Корреспондент «Таймс» в СССР Р.Вильтон опубликовал в свое время такие небесспорные и трудно верифицируемые статистические данные: после захвата власти большевиками из 556 лиц, занимавших высшие посты в стране, 447 были еврейского происхождения; непосредственно же перед Второй мировой войной в составе высшей советской администрации русские составляли 5 %, латыши – 6 %, евреи – 83 % и на долю других национальностей приходилось еще 6 % [см. Ушкуйник 1982: 15–16; ср. Диманштейн 1924: 17; Троцкий 1994: 216–222; Солженицын 2002: 78–79, 89, 198–200]. Косвенно активность неславянских этнических элементов в формировании органов советской власти, признававшаяся ее вождями, подтверждается и мемуарно-бытовыми свидетельствами, например со стороны писателя И. Ф. Наживина (1874–1940): «Я никогда не забуду своего визита к новому правительству. В условленный час я приехал в Кремль и прошел в управление делами совета народных комиссаров, помещавшееся в здании суда. Всюду невероятная неряшливость и неразбериха. Всюду латыши, латыши, латыши и евреи, евреи, евреи. Антисемитом никогда я не был, но тут количество их буквально резало глаза, и все самого зеленого возраста. Как-то потом, я сказал об этом одному знакомому еврею. – Ну, что же, – засмеялся он. – Раньше для нас была 5 % норма, а теперь для вас...» [Наживин 1921: 93].

Касаясь деликатных аспектов «национального вопроса» в СССР, Н. С. Хрущев писал: «Тогда (в 1930-е гг. – Н. В.) латышей вообще среди нашего актива было очень много. <...> И на партийных постах, и в хозяйстве, и в Красной армии <...>. Да и вообще не было тогда у нас деления людей по национальностям. Деление было по преданности делу: за революцию или против?» [Хрущев 1997: 33, 37]. Относительно «других национальностей» мемуарист вспоминает, например, следующее: «Как-то сидели мы у Сталина. Вдруг он смотрит на Берия и говорит: "Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?" Берия: "Это верные Вам, преданные люди". – "Но отчего эти грузины верны и преданны? А русские, что, не преданны и не верны, что ли? Убрать!" И моментально как рукой сняло этих людей. Берия был способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина <...>»; «В своих записках Берия поставил вопросы <...> о взаимоотношениях в руководстве национальных республик, особенно в руководстве чекистских органов, и предлагал выдвигать национальные кадры. Это правильно, такая линия всегда была налицо. Но он поставил этот

из малых народностей, составлявших национальное меньшинство в б. Российской империи (преимущ. о народностях восточных окраин)» [Ушаков 1935: 1209].

вопрос под резким углом антирусской направленности в выращивании, выдвигении и подборе кадров. Он хотел сплотить националов и объединить их против русских» [Хрущев 1997, с. 266, 280]. Будучи весьма осведомленным о методах построения социализма в СССР и путях формирования новой этнической общности под названием «советский народ», преемник И. В. Сталина хорошо понимал механизм действия «карающей машины» государства, основанный в некоторые конкретно-исторические периоды едва ли не на националистических группировках: «Фактически не партийная организация следила за чекистскими органами, а чекистские органы следили за партийной организацией, за всеми партийными руководителями»; «<...> Над партией встала ЧК»; «Раньше Ежов, заменяя Ягоду, уничтожил многие кадры <...>, которые работали с Ягодой. Теперь Сталину <...> понадобилось покончить с кадрами, которые выдвинулись при Ежове. Берия и предназначался для этого. А мы тогда считали: все дело в том, что он кавказец, грузин <...>»; «Берия завершил начатую еще Ежовым чистку (в смысле уничтожения) чекистских кадров еврейской национальности. Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка» [Хрущев 1997: 27, 60, 64, 68].

Поскольку *культура* в первые годы Советской власти ассоциировалась с *буржуазностью*, эксплуататорскими классами и воспринималась прежними «низшими» сословиями агрессивно, в буквальном смысле в штыки, соответственно и носители этой культуры объявлялись врагами нового общественного строя. Первые же шаги новой власти были направлены на искоренение «дворянско-буржуазных» элементов и дискредитацию питательной среды культуры «эксплуататоров», во многом западноевропейской по духу. Это, как мы увидим несколько позже, коснулось и языкознания.

Новая национальная политика в подчеркнuto интернациональной форме была одним из краеугольных камней большевизма. Этим, в частности, обусловлен не имевший прецедентов по своей масштабности проект создания алфавитов для десятков бесписьменных языков народов СССР. Приходилось оперативно решать глобальные лингвистические задачи, на которые в иных случаях отводятся целые эпохи в развитии народов. Некоторые новые алфавиты в течение относительно короткого времени претерпели три стадии формирования: арабскую – латинскую – кириллическую. И здесь, конечно, не обошлось без прямого вмешательства в планы ученых так называемых «административных ресурсов»...

В отношении практической социолингвистики полиэтнизм советского типа был, безусловно, позитивен; кроме того «языковое строительство» послужило стимулом для развития фонологии, отчасти математического

Роль этнических факторов

языкознания. Однако на теории языка данный фактор сказался в некоторых существенных моментах в извращенном виде.

Этнические факторы и потенциальные «административные ресурсы» ярко проявились прежде всего в становлении и последующем доминировании «нового учения о языке» Н. Я. Марра, направленного на решительную замену прежней индоевропейской лингвистической и культурологической парадигм новой – «яфетической», в рамках которой ведущую роль в мировом глоттогенезе и отчасти этногенезе начинали играть народы неиндоевропейского происхождения.

По словам современного исследователя марризма, «работы Марра любых лет полны заявлений о мировой роли кавказских народов и о том, что наука, особенно языкознание, замалчивает эту роль <...> В дореволюционное время эти утверждения еще не связаны с политикой, но раздражение против мировой науки уже очень заметно» [Алпатов 2004: 14]. Другой специалист в этом вопросе остроумно полагал, что разногласия Н. Я. Марра с традиционным сравнительно-историческим языкознанием проявлялись не столько в методологии анализа, сколько в плоскости достигнутых компаративистикой результатов, в том числе культурологических [Thomas 1957: 143].

Сам Н. Я. Марр, в частности, писал в статье «Об яфетической теории» (1924 г.): «Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропейцы, между тем сама индоевропейстика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой. <...> Вот вам факт: посмотрите, как много сделано всеми европейскими нациями по санскриту, потому что он сроден с европейскими, потому что он письменен, древнеписьменен, потому что он великокультурен и выявлял, казалось, великое культурное начало европейских языков, – как много сделано в смысле его изучения, сравнительно хотя бы с дравидскими языками все той же Индии» [Марр 1934: 1].

«Новое учение о языке» у апологетов Н. Я. Марра тесно увязывалось с идеологическими веяниями в сфере внутренней национальной политики большевиков, с тем, как ее трактовали некоторые слои советской интеллигенции и управленцев. Яфетидологию стремились интерпретировать как призыв к сплочению «пролетариата» на почве не только экономического, но и национального, а также «лингвистического» угнетения некоторых народов в прошлом. Характерно в этом отношении высказывание армянского лингвиста Г. Б. Пичикиана, обозревавшего путь в науке Н. Я. Марра: «Но это предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими явилось лишь "преддверием" или "предысторией" в истории новой языковедной теории. Мысль эта, – совершенно справедливо замечает Н. Я. Марр, – явилась и продукцией, созданной и развитой творческой борьбой на со-

циально-экономической почве закавказских наций и племен с русским великодержавием <...> С мастерской силой анализа он [Н. Я. Марр] вскрывает социальные корни самой индоевропейской лингвистики <...>» [Пичириан 1935: 123 – 124].

Более того, яфетическую методологию пытались экстраполировать и на внешнюю политику СССР. Академик В. В. Струве с пафосом заявлял: «Теория Н<иколая> Я<ковлевича> разгромила индоевропейскую лингвистику <...> учение Н. Я. Марра будет острым оружием в борьбе за освобождение народов Востока. Но <...> к нему обратятся и народы Запада, стонущие под игом фашизма» [Струве 1935: 238]. Даже ориентированная в своих научных интересах на классическую лингвистику Р. О. Шор искренно или вынужденно разделяла эту точку зрения: «...советская наука в лице академика Марра противопоставила проникнутое глубочайшим интернационализмом и историзмом материалистическое учение о языке расовым идеалистическим теориям в языкознании – идеологическому оружию фашизма» [Шор 1935: 218].

Не известно, как относился И. В. Сталин к идеям Н. Я. Марра и шумихе вокруг яфетидологии при жизни ученого; но то обстоятельство, что вождь был выходцем с Кавказа, надо думать, заставляло многих советских чиновников и научных работников благосклонно взирать на развитие «нового учения о языке». К важным деталям корреляции фигур Н. Я. Марра и И. В. Сталина мы вернемся чуть позже.

Можно полагать, что этнический фактор и «административные ресурсы» прямо или косвенно сказались не только в поощрении отдельных яфетических идей, но и в разгроме славистики под предлогом ее связи с «буржуазной» и даже якобы профашистской (арийской) наукой. Приведем некоторые факты, опираясь на работы других исследователей.

В 1918 г. в советских школах были отменены традиционные кирилло-мефодиевские торжества. В 1925 г. академик М. Н. Сперанский, узнав о намерении руководства АН СССР сократить Отделение русского языка и словесности, сообщал в докладной записке: «Вот уже шесть лет, как систематически уничтожается все русское, все национальное, как разрушают все культурные и духовные ценности, тысячелетия русской исторической жизни, когда русское имя вычеркнуто даже из названия государства <...>» (цит. по: Огрызко 1996). В 1929 г. было инспирировано дело против академика-секретаря Отделения гуманитарных наук АН СССР С. Ф. Платонова (он курировал Кирилло-Мефодиевскую и Славянскую комиссии), обвиненного в создании мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», фигурантами которого оказались свыше 100 ученых. В 1930 г. Славянская комиссия АН СССР была упразднена. Причиной явилось то, что власти опасались, как бы новое поколение фи-

Роль этнических факторов

дологов не подняло на щит «реакционную идеологию панславизма» А. Ф. Гильфердинга (1831–1872), В. И. Ламанского (1833–1914) и «консервативные взгляды» таких русских лингвистов, как А. И. Соболевский, А. С. Будилович, Т. Д. Флоринский. Вскоре последовало громкое «Дело славистов» (1933–1934 гг.), непосредственно коснувшееся Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинского, А. М. Селищева, М. Н. Сперанского, В. В. Виноградова, В. Н. Сидорова и многих других ученых; все они обвинялись в причастности к контрреволюционной организации «Российская национальная партия» (РНП). После этого был расформирован Институт славяноведения АН СССР в Ленинграде. К середине 1930-х гг. в стране были упразднены все отделы, секторы, кафедры, занимавшиеся проблемами славистики.

В обвинительном заключении по делу об РНП отмечалось, что в основу программных установок организации были положены идеи, выдвинутые «лидером фашистского движения за границу» князем Н. С. Трубецким: «1) Примат нации над классом. Свержение диктатуры пролетариата и установление национального правительства. 2) Истинный национализм, а отсюда борьба за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа. 3) Сохранение религии как силы, способствующей подъему русского национального духа. 4) Превосходство "славянской расы", а отсюда – пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа» [Ашнин, Алпатов 1994: 71].

Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов сдержанно, сугубо документально интерпретируют происходившие в те годы события. Однако приводимые ими факты достаточно красноречивы. Еще С. Б. Бернштейн констатировал, что «среди арестованных не было лиц с нерусскими фамилиями» [Бернштейн 1989: 80]. Касясь этого вопроса, исследователи пишут: «Отметим большой процент в ленинградском деле людей немецкого или скандинавского происхождения, в основном из петербургских немцев: их около десятка (в Москве их было двое). Требовалось искать связи "фашистской партии" с Германией! Впрочем, среди лиц с немецкими фамилиями были и православные, как В. В. Сегеркранц. <...> А вот неславянских фамилий иного рода и здесь избегали <...>»; «Одновременно с М. Н. Сперанским и еще тяжелее его пострадал академик Владимир Николаевич Перетц. <...> Следствие нарушило-таки в этом случае правило не привлекать людей с "нерусскими фамилиями". Фамилию академик унаследовал от деда, крещеного еврея, ставшего декабристом <...> С остальных сторон предки В. Н. Перетца были русскими и украинцами» [Ашнин, Алпатов 1994: 45, 100]. В ходе следствия заочно фигурировали имена и других лингвистов, в частности Г. О. Винокура, Р. И. Аванесова, С. К. Шамбинаго, но в списки репрессированных они не попали [Ашнин, Алпатов 1994: 80]. В. М. Алпатов отмечает и такое обстоятельство: все арестованные по этому делу известные лингвисты «были

далеки от марризма, а Г. А. Ильинский и А. М. Селищев активно высказывались против Марра» [Алпатов 2004: 109].

Спустя некоторое время политика И.В.Сталина в отношении национального вопроса, первоначально соответствовавшая ленинской стратегии, стала меняться. Причиной этого было осознание руководством страны важности консолидации многочисленных этносов СССР на основе русского народа, как *государствообразующего*. К этому примешивались и внешние обстоятельства – необходимость формирования в Центральной Европе противовеса захватническим амбициям Германии путем политического союза с другими славянскими странами. Отход от прежней политики в области языкознания почувствовался в 1938 г., когда было дано разрешение на создание сектора славяноведения в Институте истории АН СССР; в 1939 г. в Московском университете открыли кафедру истории южных и западных славян. И уже в период Великой Отечественной войны имени Кирилла и Мефодия окончательно вернулись в орбиту советской идеологии и культуры.

Современная историография отмечает: «В 1920-х гг. в советской публицистике и искусстве было принято остро критически отзываться о национальных качествах русского человека» [Дубровский 2005: 60]. Позже эта идеологическая установка пересматривается не без прямого влияния И. В. Сталина. В частности, на одном из неофициальных мероприятий в 1933 г. он высказал следующие мысли: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения, русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире» [см. Невежин 2003: 44].

А. М. Дубровский, ссылаясь на труды предшественников [Давлетшин 1974, Martin 1998], констатирует: «На начало 1930-х гг. пришелся важный поворот в национальной политике партии. В это время начиналась политика русификации страны, в чем проявлялся переход от ожидания и подготовки мировой революции к укреплению государства и удовлетворению национально-государственных интересов СССР. В декабре 1932 г. Политбюро ЦК партии начало кампанию против украинского национализма. Параллельно внутри Российской республики, в русских по преимуществу национальному составу районах, начали закрываться нерусские национальные клубы, журналы <...>. С 1933 г. в национальных школах расширилось изучение русского языка, изучение местных языков в русских школах прекратилось. К середине 1938 г. в русских районах РСФСР действовали только русские школы. В органах власти краев, республик и областей национальные отделы ликвидировались» [Дубровский 2005: 67].

Следствием этого стала, в частности, отмена латинизации национальных алфавитов в СССР, первоначально рассматривавшаяся как прогрессивная мера, ускорявшая приход «мировой революции».

Роль этнических факторов

Ю. Д. Дешериев сообщает: «В 1923–1924 годах проводится большая работа по составлению алфавитов на латинской основе для татар, башкир, казахов, туркмен, азербайджанцев и других. В 1925 году на второй конференции по просвещению горских народов Северного Кавказа было принято решение о латинизации письменности тюркоязычных народов. <...> В 1931–1932 годах были разработаны проекты алфавитов на латинской основе для 14 языков народностей Севера <...>, ряда угро-финских народов <...> ираноязычных народностей <...>, горских кавказских народов <...>. В эти годы латинизированный алфавит всех народностей стал называться "Новым алфавитом". Центральный комитет Нового тюркского алфавита был преобразован во Всесоюзный центральный комитет Нового алфавита» [Дешериев 1958: 29]. В 1936 г. председатель Всесоюзного комитета нового алфавита Г. Мусабеков провозглашал: «Двадцать пять миллионов, населяющих национальные районы Советского Союза, пользуются уже новым, латинизированным алфавитом. На новый алфавит перешли шестьдесят восемь национальностей» [Мусабеков 1936].

Вскоре, однако, стало ясно, что такое положение дел затрудняет информационную консолидацию страны, идеологическую политику, делопроизводство и т. п. Едва ли не с этого же времени, а по некоторым данным еще с 1933 г., несмотря на очевидные в ряде случаев преимущества латиницы [см. Мусаев 1963: 54–55], начался обратный процесс – перевод письменности нерусских народов на кириллический алфавит, причем едва ли не в директивной форме [Дубровский 2005: 69]³.

В целях русификации внутренней политики страны требовалось «реабилитировать» русский этнос. Поводом послужила статья Н. И. Бухарина [1936], где автор по инерции рассуждал об «азиатчине» и «обломовщине» русских. В передовице основного печатного органа ВКП (б) газете «Правда» ему ответили: «Народ, который дал миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, – народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую социалистическую революцию, – такой народ называть "нацией Обломовых" может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит» [Правда 1936а]. Затем последовало еще одно знаковое заявление, определившее новую идеологическую стратегию руководства страны: «Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда <...>. И первым среди равных является русский народ, русские

³ Комментируя эту тенденцию, В. М. Алпатов пишет: «Сталинская политика при всей своей грубости была однотипна не только политике царской России, но и политике других индустриальных государств» [Алпатов 2000: 100].

рабочие, русские трудящиеся, роль которых во всей Великой пролетарской революции, от первых побед до нынешнего блистательного периода ее развития, исключительно велика. Ненависть к русскому включает в себя, конечно, ненависть ко всему советскому» [Правда 1936б; см. также Правда 1936в].

Не исключено, что к написанию этой статьи был причастен сам И. В. Сталин. Он лично курировал основные гуманитарные науки и проводимую в СМИ идеологию. Например, следил за исторической наукой и настаивал на тех или иных рекомендациях авторам учебников по русской истории [см. Дубровский 2005: 70, 191–192, 235]. Так, в марте 1934 г. при обсуждении на заседании Политбюро ВКП (б) будущих учебников по истории СССР И. В. Сталин резко критиковал предложение наркома просвещения А. С. Бубнова о включении в них разделов по «истории народов России», заявив о необходимости освещения политической консолидации советских этносов на основе русской нации: «Русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас» [см. Бранденбергер 1999: 52]. Симптоматично, что в одной из рецензий на учебник по истории СССР (М., 1937) о восточных славянах говорилось: «Не ленивая и инертная масса, как это пытаются изобразить фашистские мракобесы "расисты", а храбрые и мужественные племена предстают перед читателем» [Сосонкин 1937]. А. М. Дубровский рассматривает идею «панславизма» как государственную стратегию СССР, постепенно вызревавшую в сознании И. В. Сталина и отчасти высказанную им уже в 1934 г. на XVII съезде ВКП (б) в ответ на арийскую теорию [Дубровский 2005: 39, 72, 89–91].

После присоединения в 1939 г. западной части украинско-белорусских земель к СССР зарубежная печать заговорила о панславизме большевиков. Вскоре в советских СМИ последовало опровержение этого: «...панславизм являлся выражением завоевательных стремлений русского царизма» [Большевик 1948]. Панславистская установка в то время, исходя из тактических соображений, «не соответствовала курсу сближения СССР с Германией», и «только нападение нацистской Германии на Советский Союз дало мощный стимул для развития панславизма в большевистской пропаганде» [Дубровский 2005: 91–93].

9 июля 1941 г. академик Н. С. Державин и профессор Е. З. Волков составили докладную записку в Государственный комитет обороны с предложением организовать Международное бюро в помощь борьбе славянских народов за освобождение от фашистской оккупации: «...сейчас настал прекрасный момент, когда самым ходом исторических событий Советский Союз может открыто перед всем миром протянуть руку братской помощи своим младшим братьям – славянам, объединить их вокруг себя и создать таким образом из всех славянских народов под своим руководством в центральной Европе и на Балканах естественный и мощный оплот против фашизма и

Роль этнических факторов

возможных в будущем его преемников» [см. Дубровский 2005: 412]. 10–11 августа 1941 г. под руководством ЦК ВКП (б) был оформлен Всеславянский комитет. Материалы соответствующих митингов печатались в передовицах «Правды».

6 ноября 1941 г. в докладе по случаю годовщины Октябрьской революции И.В.Сталин, касаясь германской военной доктрины, отметил: «И эти люди <...> имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!» [Сталин 1941: 16]. Тем самым началась контрпропаганда против высказываний фашистских идеологов о неполноценности славянства. Подводя итоги анализа эволюции отношения руководства СССР к нюансам «национального вопроса», А. М. Дубровский делает следующие выводы: «...от идеи союза равных славянских народов, провозглашенной в 1941 г., начался переход к идее союза во главе со старшим братом – русским народом <...>»; «...с 1943 г. идея славянского единства <...> максимально приблизилась к той форме панславизма, которая была характерна для второй половины XIX – начала XX в.» [Дубровский 2005: 423].

Вернемся, однако, к «новому учению о языке». Примечательно, что его судьбу – от возникновения в первые годы Советской власти до дискредитации в 1950 г. – определили три человека с грузинской кровью (Н. Я. Марр, А. С. Чикобава, И. В. Сталин), хотя «кавказский» этнический фактор в становлении и разоблачении марризма, как мы увидим далее, не ограничивался только указанными фигурами.

И. В. Сталин мог привлечь во внимание помимо объективных научных обстоятельств и то, что бороться с яфетидологией уместно, используя тонкий прием этнической «гомеопатии», т. е. лечения кавказско-яфетического лингвистического национализма терапевтическим вмешательством со стороны грузинской научной интеллигенции. К дискредитации марризма мог быть причастен, впрочем, и Л. П. Берия [см. Илизаров 2003: 114; 2004, № 4: 113–114]. Но здесь нужно сделать несколько исторических экскурсов.

В 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП (б), на котором после доклада И. В. Сталина от имени советских ученых с приветствием к съезду обратился Н. Я. Марр; причем часть своей речи он демонстративно произнес по-грузински. Основанием для приглашения беспартийного в то время Н. Я. Марра на съезд были не только его заслуги как крупного ученого, основателя уже популярной яфетидологии, но и занимаемый им в то время пост вице-президента АН СССР и председателя Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР. Предположительно это было сделано по инициативе

И. В. Сталина или, по крайней мере, с его одобрения, так как именно он утверждал список выступавших [см. Алпатов 2004: 93–94]. Н. Я. Марр не вполне скромно воспользовался трибуной партийного съезда для пропаганды «нового учения о языке»: «С первых же Октябрьских дней я встал по мере своих сил плечом к плечу с товарищами-коммунистами и вместе с беспартийными созвучного закала помогал делу беспримерного по размаху революционного научно-культурного строительства. <...> В условиях полной свободы, которую дает науке советская власть, помогающая самым смелым, самым дерзким научным исканиям в области подлинного материалистического мировоззрения, я старался развивать и продолжаю, уже с новыми кадрами научных работников – коммунистов и стойких беспартийных соратников, развивать теоретическое учение о языке, в области которого я веду свою научную работу» [см. Миханкова 1949: 452–453].

В том же году Н. Я. Марр без прохождения обязательного кандидатского стажа был принят в члены ВКП (б). Все это, вероятно, дало ему повод обратиться 20 января 1932 г. к И.В.Сталину с просьбой о встрече. Однако тот «вежливо отказал ему в немедленном приеме, сославшись на занятость» [см. Илизаров 2003: 107]. Вернувшись в Ленинград, Н. Я. Марр написал вождю записку на бланке Института народов Востока, придав таким образом ей полуофициальный характер, с прозрачным намеком на *восточное* (кавказское) землячество обоих: «Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Премного благодарен за ответ. Ваше предложение, конечно, вполне меня устраивает. Я буду ждать. Могу себе представить, как Вам дорога каждая минута, когда я потерял представление о времени, только в первобытном обществе, не различавшем еще утра и вечера, иначе как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности. У Вас, однако, время расходуется на дело, на строительство, а у меня на отвлекающие от и теоретического и практического технически и общественного научного дела, беспрестанные разговоры в комитетах, подкомитетах, совещаниях и т. д. С неизменным уважением и товарищеским приветствием Марр» [см. Илизаров 2003: 107].

Публикатор письма комментирует его форму как яркое проявление личностной аномалии академика: «Высокопарный тон письма Сталину не только преисполнен чувства собственного достоинства и даже какой-то ходульной величавости, но оно еще и написано не очень вразумительно с точки зрения общепринятого документописательства. Напомню, пишет крупнейший российский специалист в области языкознания, а его конструкции русских предложений способны смутить не только грузина-вождя <...>» [Илизаров 2003: 107–108]. Здесь уместно вспомнить об оценке И. В. Сталиным научного дискурса Н. Я. Марра в статье «Относительно марксизма в языкознании» (1950 г.): «Н. Я. Марр внес в языкознание не

Роль этнических факторов

свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра» [Сталин 1953: 33].

Насколько близки были Н. Я. Марр и И. В. Сталин, в какой степени их связывал фактор землячества? В. М. Алпатов отмечает «Встреча двух уроженцев Грузии на XVI съезде скорее всего единственная. Конкретными данными об отношении Сталина к Марру в те годы мы не располагаем» [Алпатов 2004: 94]. По мнению А. С. Чикобава «положительно к Марру И. Сталин, видимо, не относился и до дискуссии (имеется в виду знаменитая лингвистическая дискуссия 1950 г. – Н. В.)» [Чикобава 2001: 510]. В мемуарах Н. С. Хрущева упоминается следующее: «...он [И. В. Сталин] ввязался в дискуссию по языкознанию. Очень странная дискуссия была. Она ему не нужна была; он принимал грузина, ученого (речь идет об А. С. Чикобава. – Н. В.), с ним беседовал. Тот как-то разбудил у него желание включиться в этот спор, выступил против академика Марра, против его трудов. <...> Таким образом появился труд Сталина по языкознанию <...>» [Хрущев 1989: 27; ср. Хрущев 1992: 53–54].

А. С. Чикобава, несомненно, играл на национальных чувствах грузин и самого вождя, когда, по предложению первого секретаря ЦК Компартии Грузии К. Н. Чарквиани, написал доклад «Стадиальная классификация языков акад. Н. Марра», датированный 21 апреля 1949 г.: «Какое же место занимают наши языки, иберийско-кавказские языки <...>? Наши языки в схеме Н. Марра стоят ступенью ниже, чем индоевропейские языки <...> Яфетиды – эти творцы металлургии, участвуя в процессе "мирового движения", застряли на третичном периоде <...> самая поздняя по времени возникновения и самая высшая стадия – оказалась уделом семитических (араб., евр.) и индоевропейских языков. Яфетические языки не достигли четвертичного периода, они – если верить яфетической теории Н. Марра – его никогда не достигнут: яфетические языки – "сменная система" <...>. Стало быть, грузинский язык не дорос до латинского: застрял на более низшей ступени – и к этой ступени он пригвожден согласно стадиальной схеме Н. Марра» [цит. по: Горбаневский 1991: 177, 179].

А. С. Чикобава рассматривает лишь один краеугольный камень лингвистической концепции Н. Я. Марра, причем кое-что явно искажая в ней, – поскольку, по мнению основателя яфетидологии, его схема стадиальности развития языков свидетельствовала о большей древности яфетических языков как своеобразных прародителей индоевропейских и семитических [см. Алпатов 2004: 26, 39 – 40]. Но младший из двух грузинских академиков весьма рационально выявил уязвимое место в марровской теории с точки зрения *этнической* логики.

О роли самого И. В. Сталина в развенчании марровского мифа хорошо известно. Вернемся, однако, к личности Л. П. Берия, который, судя по некоторым данным, интриговал против Н. Я. Марра. В воспоминаниях профессора И. Ф. Мегрелидзе (р. в 1909 г.) отмечается: «Сам А. Чикобава и его сторонники до 1953 года (т. е. ниспровержения Л. П. Берия. – Н. В.) гордились тем, что С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, А. Чикобава, В. Топуриа, Г. Ахвледиани, А. Шанидзе в феврале 1937 г. вызвал к себе Берия. Во время этой встречи Чикобава заговорил о том, что им мешают работать сторонники позиции Марра, на что Берия ответил: "Никто этого не посмеет, пишите и печатайте!.."» [цит. по: Горбаневский 1991: 245].

Далее И. В. Мегрелидзе подробно излагает предысторию случившегося: «По инициативе Марра и поддержке правительства, в мае 1930 года в Грузии был создан Институт науки, который в сентябре перерос в Академию наук Грузии. Ее президентом был избран Н. Марр. Она просуществовала почти полгода, а потом ее закрыли. Виновником этого Марр счел Берия и высказал недовольство в его адрес. Это дошло до Берия, и он начал притеснять Марра и его сторонников. <...>

13 или 14. X. 1933 г. в Москве, в Наркомпросе РСФСР <...> комиссия под руководством председателя ЦИКа М. И. Калинина приняла решение заменить латинский алфавит у малочисленных народов СССР русским алфавитом. По настоянию Марра, грузинский и армянский алфавиты остались... Марр мотивировал это тем, что народы нельзя оторвать от их культурного прошлого; у армян и грузин имеется более чем по 10 тысяч древних рукописей, а переписка или переиздание их на новом алфавите связана с уймой расходов...

Н. Марр 15. X. 1933 г. вернулся в Ленинград, созвал расширенное заседание ученого Совета. Он обратился к Л. В. Щербе и сказал: "Имеем неотложное задание – "латиницу" у более 40 советских народов заменить русским алфавитом".

В это время Марру принесли письмо. Марр его просмотрел, положил в карман, снизил голос и обратился ко мне: "Звоните жене" – а что сказать, не договорил и упал на пол. <...>

Вызвали скорую помощь, я позвонил профессору И. А. Джанелидзе. Первым явился профессор Военно-Медицинской академии М. И. Аствацатуров, а потом и другие. Установили, что у больного кровоизлияние в мозг, его нельзя двигать с места. Ему подложили матрац и он пролежал там 8 дней. Лишь потом его перевезли в Свердловскую больницу.

Письмо было от Берия, такого содержания: "Будьте в Москве, звоните товарищу Сталину, он Вас примет" (Оно хранится в Архиве АН СССР, в фонде 800).

Роль этнических факторов

Адресат позже сказал мне, что по прочтении письма у него мелькнула мысль: Сталин повторит то, что ему (Марру) после совещания у Калинина сказал один из присутствующих: "Вы провалили унификацию письма в СССР". <...>

В больнице Марр поправлялся. Один врач шепнул ему, что для лечения ему было бы полезно поехать в Париж. Марр высказал врачам пожелание поехать в Испанию с женой и в моем сопровождении, с целью, чтобы я там занялся баскским языком. В этом ему отказали и 1. IV. 1934 отправили вместе с женой в Крым, куда я сопровождал их только до Москвы... В Москве их до поезда в Крым приютили Анна Михайловна Ларина и ее супруг Н. И. Бухарин. <...>

В Крыму они находились до конца мая... <...>, а потом больного поместили в Бехтеревскую больницу, где в коридоре шумели больные. Марр протестовал и требовал немедленно вернуть его домой или направить в Свердловскую больницу. Его не послушали, что очень тяжело на него действовало. <...> Меня и теперь не покидает мысль, не было ли все это подстроено по указанию свыше, в частности по указанию Берия, который знал, что Марр им недоволен?!..

Следует учесть, что выступление И. В. Сталина против Н. Я. Марра <...> обусловлено не только научными интересами, но и наущничеством со стороны авантюриста Берия, который хотел заменить Марра своим кандидатом. Бывший заместитель Берия по МВД П. А. Шария, после освобождения от изоляции, в 1975 г. работавший вместе с нами в Институте грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР в Тбилиси, рассказал мне: "Еще в 1948 г. я убеждал Сталина, что Марр грешит в марксизме".

Сталин мне ответил: "Кто этого не знает, но снять голову с Марра, на чьи плечи ее поставить?!"

– Я, – продолжал Шария, – назвал кандидатуру... (А. С. Чикобава). Сталин изрек: "Слон и моська!"...

"Далее, – говорит опять Шария, – ученики Марра же повредили Марру тем, что его имя приобщили к именам классиков марксизма и писали: "Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Марр..."

Именно этого не потерпел Сталин и обрушился на Марра» [цит. по: Горбаневский 1991: 246–247].

Рассмотрение истории внедрения яфетидологии в советское языкознание не может не наталкивать на мысль, что ближайшее научное окружение Н. Я. Марра было преимущественно «инородческим», причем не только по таким естественным причинам, как кавказское происхождение, знание соответствующих языков и т. п. О. М. Фрейденберг, в частности, вспоминала об одном из наиболее ярких пропагандистов «нового учения о языке»: «В Коммунистической Академии орудовал почитатель Марра, фамилия

которого была Аптекарь, а имя Валериан. <...> В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни "ответственные работники". <...> Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекарь, неучи, приходили из деревень или местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых <...>» [Фрейденберг 1988: 224]. В. М. Алпатов констатирует: «В многочисленных поездках по союзным и автономным республикам Марр вербовал сторонников обычно из представителей коренных национальностей. Как заметил Б. В. Горнунг <...>, вполне осознанно шла подготовка верных Марру кадров там, где не было научных школ и традиций» [Алпатов 2004: 56]. Примечательно, что ученые Грузии и Армении, где научные школы складывались еще в дореволюционное время, в большинстве своем сдержанно отреагировали на смерть академика; не случайно он жаловался на недопонимание своей теории в Тбилиси и Ереване [см. Алпатов 2004: 110, 245].

В первые годы после Октябрьской революции подобный кадровый политэтизм представлялся, вероятно, естественным, – и вряд ли ученые старой академической школы могли позволить себе выпады против оппонентов на национальной почве, предпочитая дискутировать по существу лингвистических проблем⁴. Во всяком случае найти отчетливые следы такой реакции на революционные сдвиги в сфере российско-советского языко-знания 1920–1930-х гг. нам почти не удалось.⁵

Эмигрантские отклики Н. С. Трубецкого на исследования Н. Я. Марра не выходят за рамки этнической политкорректности, – но, по существу, убийственны по отношению к основателю «нового учения о языке»: «Статья Марра («О яфетической теории». – Н. В.) превосходит все, до сих пор написанное им. Но "пригвоздить" ее рецензией – трудно. Во-первых, негде, а во-вторых, по моему глубокому убеждению, рецензировать ее должен не столько лингвист, сколько психиатр. Правда, к несчастью для науки, Марр еще не настолько спятил, чтобы его можно было посадить в желтый дом, но, что он сумасшедший, это, по-моему, ясно: ведь это форменная мартыновщина! Да и по форме статья типична для умственно расстроенного. Ужасно

⁴ Ср., впрочем, реакцию интеллигенции на этнические и эвристические особенности механизма советской власти, отмеченную в дневнике историка-слависта Ю. В. Готье (1873–1943) в январе 1920 г.: «...в последние дни ходит острота: "На чем держится советская власть? На жидовских мозгах, на латышских стрелках и на русских дураках"» [Готье 1992: 137–138].

⁵ Ср., однако, высказывание С. А. Жебелева в письме к В. П. Бузескулу в августе 1925 г.: «Беда да и только с этими яфетидами в прямом и переносном смысле» [см.: Робинсон 2004: 147].

Роль этнических факторов

то, что большинство этого пока еще не замечает» (6. 11. 1924) [Трубецкой 2000: 74–75]. Ему вторит и Р. О. Якобсон: «Это беспримесная паталогия (о статье Н. Я. Марра «Постановка учения о языке в мировом масштабе и аварский язык». – Н. В.). От Мартынова Марр отличается только тем, что Мартынов выводил все слова языка человеческого из глагола есть, а Марр выводит весь словарный состав и грамматический строй всех языков мира из четырех слов "не означавших в начале ничего". <...> Эта белиберда параноика выдается Марром и несколькими влиятельными прохвостами за единственно-марксистскую лингвистику» (15. 5. 1929) [см. Трубецкой 2004: 75].

Рефлексы этнической детерминированности отдельных положений «нового учения о языке» ощущались и после развенчания марризма.

Так, примечательны рассуждения казахского писателя и филолога О. Сулейменова в книге «Аз и я» (1975), подвергшейся резкой критике со стороны официальных структур и отчасти советской академической среды за попытку доказать тюркское влияние на историю древнерусской государственности, словесности и языка. Автор упомянутого исследования, не лишнего интересных лингвистических наблюдений, пишет: «Есть точные науки и есть гуманитарные, т. е. неточные – лингвистика и история. Они исходили из предрассудочных установок европоцентризма. Оформившись в Европе XIX века на идеологическом фундаменте ариизма, они не могут избавиться от его пережитков и поныне. Древность человечества рассматривается сквозь призму политической и культурной карты XIX века. И этот недialeктический взгляд не мог существенно не исказить исторической перспективы <...>»; «За десятилетия, прошедшие после слов неистового Марра, мало что изменилось. Если бы тюркскому языку было уделено достаточно серьезное внимание, сколько бы мифов языкознания и историографии уступили бы место реальности и, может статься, гуманитарные науки еще на шаг приблизились бы к точным. Но пока индоевропеисты считают тюркские языки окраинными, поздними; наречиями, провинцией индоевропейской империи, пока сами тюркологи не могут удержать свои портки без помочей преданного ученичества и без конца глухо и слепо повторяют оскорбительные истины благообразных учителей своих, мы будем блуждать по своему дому в черных повязках Фемиды, натываясь лбами на до боли знакомые углы» [Сулейменов 2005: 179, 196].

Интересно, что и сейчас, когда многие положения марризма, казалось бы, безнадежно устарели, тем более 4-элементный анализ, подвергшийся безжалостной критике еще при жизни основателя яфетидологии, другой авторитетный грузинский академик, признанный специалист в области индоевропеистики, Т. В. Гамкрелидзе в последних публикациях весьма положительно отзываясь об этой идее Н. Я. Марра, приравнивая ее по уровню эвристичности к открытиям геномов в биологии и говоря о других подобных

научных параллелях, когда выявляются ядерные инварианты каких-либо сущностей [см. Гамкрелидзе 2005, Gamkrelidze 2005].

О том, что в гуманитарной науке продолжается борьба идей на почве этнокультурного диалога народов, причастных к истории России, свидетельствует и литературоведение. И. А. Есаулов анализирует трактовки «русско-еврейского вопроса» применительно к советской филологии [см.: Курганов 1998, Кертис 2004]: «В этих новейших исследованиях интерпретируются – порою чрезвычайно вольно – табуированные ранее проблемы, касающиеся истории русской литературы и ее изучения в советские годы»; «...история освоения ОПояЗом литературного наследия "Арзамаса" может быть истолкована как частный, хотя и очень важный пример общего процесса *вытеснения* одной культуры (русской) другой – советской. <...> Вопрос же об *этническом* ядре советской культуры мне представляется уже вторичным. <...> Думается, что русская и советская культура, хотя и имеют некоторые общие моменты, но их *доминанты*, *архетипы* все-таки глубоко различны» [Есаулов 2005: 164, 168] Ученый приходит к выводу, что общим для разных проявлений этнокультурной оппозиции по отношению к дореволюционной России в первые годы Советской власти было футуристическое разрушение традиций, независимо от того, касались ли они православия, литературоведения или языкознания [Есаулов 2005: 169–175]. Примечательно, что в этом контексте фигурируют и знаковые высказывания виднейшего «формалиста» Б. М. Эйхенбаума, рефлексировавшего в студенческие годы на почве этнического и духовного раздвоения (по отцу – еврей, по матери – русский): «Славяно-русская культура не пришлась мне по душе. Даже "Слово о полку Игореве" меня тогда не взволновало <...>. Мы учили это "Слово" наизусть в 4-м классе и долго потешались над первой фразой: "Не лепо ли ны бяшетъ, братие". Да, нелепо, нелепо» [Эйхенбаум 1929: 36]; «...не знаю, что делать со всеми этими "языкознаниями", с этим погружением в старинные списки и евангелия для изучения того, какую судьбу претерпел *юс* или *ер*. Не могу. Претит» [см. Кертис 2004: 83].

Сделаем выводы. Первые два десятилетия советской эпохи для истории русского языкознания оказались драматичными в плане отношения новой власти к прежним научным кадрам, школам, традициям; одновременно они являлись кризисными для лингвистической теории. Произошла постепенная подмена индоевропейской культурной парадигмы «яфетической», ориентированной на изучение языков народов неиндоевропейского ареала, окружавших славянский мир. Следствиями этого стали идеологическая децентрализация русского языка в СССР, свертывание исследований в области слаистики, в частности под нелепым предлогом связи последней с «реакционной», профашистской западной наукой, а также травля ученых, идейно не примкнувших к «новому учению о языке». Лишь непосредственно перед

Роль этнических факторов

Второй мировой войной и особенно в годы Великой Отечественной войны позиция руководства страны в отношении нюансов «национальной политики» кардинально меняется: акцентируется роль русского этноса в историческом процессе, обретает новый смысл идея славянского единства, подчеркивается культурно-объединительная миссия русского языка в СССР, основой младописьменных языков федеративного государства становится кириллица. Послевоенный период характеризуется попытками марристов удержать завоеванные научные позиции и посты, – но заканчивается в 1950 г. разгромом «нового учения о языке», в чем решающую роль сыграли авторитет и административные рычаги И. В. Сталина. Примечательно, что в генезисе и в последующем развенчании яфетидологии иницирующим оказался кавказский этноадминистративный фактор (Н. Я. Марр, И. В. Сталин, Л. П. Берия, К. Н. Чарквиани, А. С. Чикобава и др.), сказывавшийся либо прямо, либо опосредованно.

В заключительной части исследования о марризме В. М. Алпатов отмечает: «Необходимо разобраться в том, как и почему <...> столь аб-сурдные идеи получили поддержку сверху и снизу» [Алпатов 2004: 274], – но не упоминает о некоторых причинах популярности «нового учения о языке», рассмотренных в данной статье. Хотелось бы надеяться, что они тоже будут приняты во внимание при осмыслении противоречивой истории советского языкознания первой пол. XX в.

Использованная литература:

Алпатов, М. В.: 150 языков и политика: 1917–2000: (Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства). 2-е изд. Москва 2000.

Алпатов, В. М.: История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. Москва 2004.

Ашнин, Ф. Д., Алпатов, В. М.: «Дело славистов»: 30-е годы. Москва 1994.

Бернштейн, С. Б.: Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века). Сов. славяноведение. 1989. № 1, с. 77–82.

Большевик 1948 – О панславизме: (Историческая справка). Большевик. 1948. № 10, с. 85–89.

Бранденбергер, Д. Л.: Восприятие русоцентристской идеологии накануне Великой Отечественной войны (1936–1941 гг.). In: Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск 1999, с. 33–60.

Брокгауз, Ефрон 1894 – Иностранцы. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург 1894. Т. 13, с. 224–225.

Бухарин, Н. И.: Наш вождь, наш учитель, наш отец. Известия. 1936. 21 янв.

- Васильев, Н. Л.: Французский язык как один из литературных языков в истории России (теоретические и прагматические аспекты проблемы). In: Язык. Культура. Коммуникация. Ульяновск 2007, с. 136–141.
- Воробьев, Ю. К.: Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск 1999.
- Воробьев, Ю. К., Седина, И. В.: Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века. Саранск 2007.
- Гамкрелидзе, Т. В.: Об одной лингвистической парадигме. Вопросы языкознания. 2005. № 2, с. 3–6.
- Готье, Ю. В.: Мои заметки. Вопросы истории. 1992. № 10, с. 124–160.
- Горбаневский, М. В.: В начале было слово...: Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. Москва 1991.
- Давлетшин, Т.: Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. London 1974.
- Дешериев, Ю. Д.: Развитие младописьменных языков народов СССР. Москва 1958.
- Диманштейн, С.: Введение. In: Ленин Н. [Ленин В.И.] О еврейском вопросе в России. Москва 1924, с. 9–20.
- Дубровский, А. М.: Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск 2005.
- Есаулов, И. А.: «Был у вас Арзамас был у нас ОПОЯЗ»: О некоторых аспектах советского освоения русской классики. In: Литературное общество «Арзамас»: Культурный диалог эпох. Мат. Междунар. научн. конф. Арзамас, 2–4 июня 2005 г. Арзамас 2005, с. 164–177.
- Илизаров, Б. С.: Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра: К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. Новая и новейшая история. 2003. № 3, с. 102–122; № 4, с. 112–140; № 5, с. 162–190.
- Илизаров, Б. С.: К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году. Новая и новейшая история. 2004. № 5, с. 179–213.
- Кертис, Дж.: Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. Пер. с англ. Санкт-Петербург 2004.
- Курганов, Е.: Опояз и Арзамас. Санкт-Петербург 1998.
- Мусабеков, Г.: Победа нового алфавита. Лит. газета. 1936. 26 янв.
- Марр, Н. Я.: Избранные работы: В 5 т. Т. 3. Язык и общество. Москва–Ленинград 1934.
- Миханкова, В. А.: Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд. Москва–Ленинград 1949.
- Мусаев, К. М.: Алфавиты языков народов СССР. Москва 1963.
- Наживин, И.: Записки о революции. Вена 1921.

Роль этнических факторов

- Невежин, В. А.: Застольные речи Сталина: Документы и материалы. Москва–Санкт-Петербург 2003.
- Огрызко, В.: Обвиняется славистика. Лит. Россия. 1996. 24 мая, с. 6.
- Пичикиан, Г. Б.: Памяти учителя: Речь, произнесенная на траурном заседании Закавказского филиала Академии наук СССР 23 декабря 1934. In: Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4, с. 121–125.
- Правда 1936а – Единая семья народов. Правда. 1936. 30 янв.
- Правда 1936б – РСФСР. Правда. 1936. 1 февр.
- Правда 1936в – Об одной гнилой концепции. Правда. 1936. 10 февр.
- Робинсон, М. А.: Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). Москва 2004.
- Солженицын, А. И.: Двести лет вместе (1795–1995): В 2 ч. Ч. 2. Москва 2002.
- Сосонкин, И.: История великой семьи народов. Лит. газета. 1937. 30 авг.
- Сталин, И.: Выступление по радио 3 июля 1941 г.; Доклад о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре 1941 г. <...>. Саранск 1941
- Сталин, И.: Марксизм и вопросы языкознания. Москва 1953.
- Струве, В.: Ученый-революционер. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4, с. 237–239.
- Сулейменов, О.: Аз и я: Книга благонамеренного читателя. Москва 2005.
- Троцкий, Л. Д.: Преступления Сталина. Москва 1994.
- Трубецкой 2004 – Письма и заметки Н. С.Трубецкого. Сост.: Р. Яковсон, Х. Баран, О. Ронен, М. Тейлор; пер. с англ. Москва 2004.
- Ушаков 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова; сост.: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. Москва 1935. Т. 1.
- Ушкуйник, В.: Памятка русскому человеку: Парадоксы истории. Нью-Йорк 1982.
- Фрейденберг 1988 – Борис Пастернак – Ольга Фрейденберг: Письма и воспоминания. Публ. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернака, Н. В. Брагинской. Дружба народов. 1988. № 7, с. 201–224.
- Хрущев, Н. С.: Воспоминания. Огонек. 1989. № 37, с. 26–31.
- Хрущев, Н. С.: Воспоминания: Избранные фрагменты. Москва 1997.
- Чикобава, А. С.: Когда и как это было [1985]. In: Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология. Сост.: В. Н. Базылев, В. П. Нерознак. Москва 2001, с. 507–512.
- Шор, Р. О.: Академик Марр и его учение о языке. In: Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3/4, с. 217–218.

Эйхенбаум, Б.: Мой современник: словесность, наука, критика, смесь. Ленинград 1929.

Gamkrelidze, T.: La théorie glottochronique de Marr et l'isomorphisme structural entre les codes génétique et linguistique. In: Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ILS, № 20). Lausanne 2005, p. 139–142.

Martin, T.: The Rusification of the RSFSR. Cahiers du Monde. 1998. 39 (1–2), janvier – juin, p. 105–107.

Thomas, L. L.: The Linguistic Theories of N. Ya. Marr. Berkeley–Los Angeles 1957.